

Баянбаева Жадыра Амангельдиевна
Туманова Айнакуль Бектасовна
Утепова Рауза Имангалиевна,
Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан,
bayanbaevazhadra@mail.ru; a.tumanova@inbox.ru
roza_utepova69@mail.ru

Репрезентация концепта «родина» в художественном пространстве русскоязычных писателей Казахстана

Статья посвящена описанию концепта «родина» в художественном пространстве (на материале произведений казахстанских писателей и поэтов: А.Алимжанова, О. Сулейменова, Ю. Домбровского). В ней представлен краткий обзор научной литературы о категории пространство, ее составляющих и их сути. В работе изложен материал об особенностях репрезентации данного концепта: от родины «малой» (степь, дом, дерево) до родины «большой» (страна/государство, народ/люди, Земля/Вселенная). Результаты наблюдений могут быть использованы в преподавании элективных курсов по лингвостилистическому анализу текста для магистрантов филологических специальностей.

Ключевые слова: концепт, категория пространство, художественное пространство, степь, земля, город-дом.

Bayanbayeva Zhadyra Amangeldiyevna
Tumanova Ainakul Bektasovna
Utepova Rauza Imangaliyevna
Kazakh National University named after al-Farabi , Almaty, Kazakhstan
bayanbaevazhadra@mail.ru; a.tumanova@inbox.ru
roza_utepova69@mail.ru

Representation of a concept "homeland" in artistic space of Russian-speaking writers of Kazakhstan

Article is devoted to the description of a concept "homeland" in the artistic space (on the material of works of the Kazakhstan writers and poets: A. Alimzhanov, O. Suleymenov, Yu. Dombrovsky). It includes the short review of scientific literature on category of space, her components and its essence. In the work presented a material about features of representation of this concept: from notion a "small" homeland (steppe, house, tree) to notion "big" homeland (country/state, people, Earth/Universe). Results of observations can be used in teaching elective courses according to the lingvostilistic analysis of the text for master students of philological specialties.

Keywords: concept, category space, artistic space, steppe, earth, city-house.

В современной науке с позиций антропоцентрического подхода вновь и вновь рассматриваются актуальные вопросы, связанные с анализом текста, текстовых категорий (время, пространство, событие) и их интерпретацией. Исследование текстовой категории *пространство* вызывает особый интерес, чем и объясняется выбор нашей поставленной темы.

Как известно, в художественном дискурсе передаются не только существенные свойства пространства как объективной категории (как отражение реального мира), но и репрезентируется пространство, созданное авторской фантазией, творческим вымыслом (отражение воображаемого мира). Так, например, Л.Г.Бабенко и Ю.В. Казарин справедливо утверждают, что «в художественном тексте воплощается объективно-субъективное представление автора о пространстве. При этом объективность, достоверность художественного образа пространства обусловлена гносеологической

природой текста, тем, что в нем отображаются знания автора об объективной реальности. Субъективность, в свою очередь, обусловлена тем, что в нем отображаются знания автора об объективной реальности, которые детерминированы намерениями и установками автора, его творческим замыслом, мировоззрением, концептуальными основами литературно-художественного пространства, ценностными и другими ориентирами» [1, 96].

Категория пространства характеризуется протяженностью мира, его связностью, структурностью, многомерностью, многоаспектностью и др. Пространство как основная форма существования мира и человека в нем широко отражается в языке, сознании, культуре, мифологии. Представим ряд основных положений из научных работ по данному вопросу.

В.Н. Топоров указывает на существование двух пониманий пространства: 1) это «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися» (по Ньютону); 2) «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования» (по Лейбницу) [2, 228]. В сфере искусства используется второе (более конкретизированное, дополненное – *уточнение наше*) представление пространства: упорядоченное, структурированное; оно «одушевляется» человеком и является особой областью его представлений о мире [3].

Известно, что пространство как одно из проявлений реальности заполнено людьми и вещами. В нем традиционно различают мир «обжитой» и мир незнакомый (Вселенная, космос), выделяют мифологическую и архаическую модели мира. Приведем наиболее полное, на наш взгляд, определение термина «пространство», данное Е.С. Кубряковой: «... Это то, что попадает в поле зрения не только перед ним, но и при сознательном разглядывании окружающего в ходе поворотов головы в направлении «вверх-вниз», «вперед-сзади», «справа-слева», т.е. во все стороны» [4,12].

Ученые связывают текстовое пространство (локальность) с представлением отраженного подобия реальной действительности. Выделяются следующие типы текстового пространства: объективное (диктумное) и субъективное (модусное); концептуальное пространство (разновидность объективного на уровне логических абстракций) и художественное пространство (разновидность субъективного, создающая художественный образ пространства) (Матвеева, 2003); открытое и замкнутое; пространство конкретное и абстрактное, реально видимое и воображаемое (Николина, 2003). Другая типология предложена И.Я Чернухиной с учетом выделения оппозиций конкретное – трансформированное – абстрактное – обобщенное. Она дает следующее

определение художественного пространства: это «продукт творчества автора, эстетический способ речевого воплощения физического и философского аспектов пространства в пределах прозаического и поэтического текстов» [5, 11].

Интересна антропоцентрическая концепция пространства художественного текста М.М. Бахтина, согласно которой в художественном произведении предстает двойное сочетание мира с человеком: мир как окружение человека (описание извне) и мир как кругозор человека (описание изнутри). В первом случае – это определенное сочетание предметов, объектов, красок и т.п. с персонажами, которое предстает как целостная картина и, конечно, оказывает воздействие на читателя. Во втором случае – это отображение мира как кругозор того или иного субъекта посредством его сознания, которое описывается через мысли, поступки, слова и т.д. В своих работах он уделяет особое внимание природе определенного художественного пространства, в пределах которого выделяет локально-этическую метафору – дорога, путь – для характеристики своих героев, при этом различая героев пространственной неподвижности от движущихся героев, т.е. персонажей «пути»/«степи» [6].

Г. Гачев отмечает, что русский образ пространства представляет собой горизонтальное движение, однонаправленную бесконечность, а болгарский образ пространства – это круглый, замкнутый космос [7]. По словам В.А. Масловой, есть пространство, которое окружает человека как защитная аура, размеры этого пространства специфичны для каждого народа [8, 88].

По мнению исследователей Т.В. Топоровой, В.А. Масловой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и др., согласно мифологическому пространству границы вселенной расходятся «от человека» концентрически все большими кругами. Самый ближний круг, микрокосм, – это сам человек, его границы – тело и одежда, прикосновение к которым расценивается в разных культурах как нарушение этических норм. Следующий круг – дом человека, его ближайшее окружение [9, 89].

Мы согласны с утверждением В.А. Масловой, что дом – «это разновидность пространства, причем он ассоциируется сугубо со «своим» пространством, как-то отгороженным от внешнего мира. Дом служит связующим звеном в общей картине мира: с одной стороны, принадлежит человеку, с другой, связывает человека с внешним миром. Это как бы внешний мир, уменьшенный до размеров человека, т.е. здесь реализована триада: дом – человек – мир. Структура дома повторяет структуру внешнего мира. Дом – это мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим» [8, 90]. Все пространство человека – от интерьера его дома и до великого Космоса – исчерчено видимыми и невидимыми границами. Границы, проходящие в пространстве, занимают

важное место в культуре. Различают *окно, дверь, порог* и другие элементы дома как границы дома. Последняя граница вокруг человека – это *граница «своей» земли, родины*. Первоначально это была граница «малой» родины, заданная самой природой» [8, с. 90-92].

Наиболее ярко индивидуальность текстового пространства проявляется в возможности свободного выбора тех или иных языковых средств в качестве доминирующих и стилеобразующих (метонимия, метафора, индивидуально-авторские слова и обороты, доминанты и др.). В данной статье попытаемся рассмотреть, каким образом репрезентируется концепт «родина» в художественном пространстве русскоязычных писателей Казахстана (А.Алимжанов, О.Сулейменов, Ю.Домбровский).

В художественном пространстве А.Алимжанова слово «степь» нами интерпретируется как образная текстовая доминанта. Анализ данной доминанты предполагает сплошную выборку фрагментов со словом «степь», фиксацию референциальных смыслов, наращений; описание семантической структуры ключевого слова; фиксацию ассоциативных параллелей и их национальных особенностей. В произведениях А.Алимжанова слово «степь» обладает высокой частотностью, и данное слово актуализирует различные текстовые значения: степь (основное словарное значение) – «безлесное пространство, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата; степь – «родина, страна, Родная земля»; степь – «поле (место) битвы»; степь – «незнакомое, прекрасное»; степь – «мечеть» [10]. Во всех перечисленных значениях присутствует образ натурфакта степь в качестве, обусловленного узальными языковыми связями, закрепленными в обоих языках (русского и казахского). Семантической константой при всех вариациях данного слова в дискурсе Алимжанова выступает смысл – 'родина, страна, родная земля'. В художественном дискурсе писателя нами выделяются функциональные заменители слова степь: край, земля, Казахстан. Наблюдения показали, что метонимия Казахстан не обладает высокой частотностью, однако данное слово используется автором в момент описания решающих исторических событий, играющих важную роль в судьбе казахского народа. Контекст помогает определить то, что слово «Казахия» имеет глубокое, более емкое смысловое наполнение, указывающее на выполнение идентифицирующей идиоэтнической функции в данном ряду репрезентаций концепта *родина*. Тогда это одновременно и *родина, народ, государство, родная земля*. Например:

Наверное, никто и никогда на земле не знал такого страшного джута. Джут помог джунгарам осилить **Казахию**. Стон несся по всей казахской земле от Алтая до Едилы. Умирала **великая Казахстан**. Умирал **народ**, проклиная всех богов, выдуманных людьми. Проклиная небо и землю (Алимжанов, Гонец) [1, с. 16];

Тема родины предстает и в художественном пространстве О.Сулейменова: по-особому трогательно, глубоко, неповторимо [11]. Родина в творчестве поэта расширяется от дома, аула, города, степи до Земли в планетарном масштабе – *Земля моя* (не только родная казахстанская земля, родной край, а в целом планета Земля). Неслучайно исследователи называют О.Сулейменова планетарным поэтом. Показательно, что в его русскоязычном тексте легко, стилистически мотивированно используется слово-обращение – казахизм «айналайын». В этом, на наш взгляд, проникновенно, искренне, этнически показательно выражается признание в любви Земле родной:

Кружись, айналайын, Земля моя!
Как никто, я сегодня тебя понимаю,
Все болезни твои
На себя принимаю,
Я кочую, кружусь по дорогам
твоим... («Айналайын», 1967, с.178-179)

Интересен тот факт, что самим автором дается информация в предтекстовой части стихотворения, предназначенная для потенциального читателя: *«Обращение к дорогому человеку – «айналайын». «Кружусь вокруг тебя» –подстрочный перевод. «Принимаю твои болезни» и «Любовь моя» – смысловые переводы.* Без сомнения, это свидетельствует о желании поэта быть понятным и понятым человеком любой национальности, не только соотечественником.

Мысль Олжаса Сулейменова о неразделимой связи в пространстве жизни человека и целой страны, человека и целого мира, Земли как сердца Вселенной звучат в следующих строках:

Мир,
Земля,
Шар земной —
Сочетание слов,
Сочетанье народов.
Мечей
И судеб. («Земля, поклонись человеку!», 1961)

Реки вспаивают поля.
Города над рекой — в заре.
И, как сердце, лежит Земля,
Перевитая жилами рек.
... («Земля, поклонись человеку!», 1961).

Каждая культура по-своему выражает свое отношение к пространству. Одним из источников такой репрезентации является и художественное пространство Ю.Домбровского. Известно, что писатель был в ссылке в городе Алма-Ата. Исследование его творчества и биографических данных привели к выводам: «город-тюрьма» был

инверсирован в «город-дом», «город-сад»; Алма-Ата для Ю. Домбровского стала местом особого вдохновения.

В научной литературе говорится, что в художественном пространстве символом может выступать сверхтопос – например, тот или иной известный город (Москва, Киев, Петербург, Алма-Ата и т.п.). Иногда символизации подвергаются атрибуты места, т.е. связанные с ним предметы живого и неживого мира: дерево, гора, плод и др.

В науке известно, что одним из константных пейзажных элементов в художественном пространстве становится *дерево*, которое ассоциируется с родным краем, с родиной. По мнению М.А. Масловой, «будучи природным символом, дерево во многих культурах стало знаменовать динамичный рост, природное умирание и регенерацию <...> Растения, трава, деревья, по преданиям древних, обладали сверхъестественной силой – как целительной, так и разрушительной. В основе этих представлений – архетип *дерева-тотема*» [12, 161]. Деревья-тотемы представлены практически во всех мифологических картинах мира. У древних скандинавов таким деревом выступал *ясень* – ось мироздания, у номадов – *тополь* (на казахском языке: *байтерек* – *уточнение наше*). Неслучайно концепт *тополь* по сей день несет в себе отпечаток мифологического мышления в культуре казахского этноса.

Отметим еще одну универсальную черту *дерева* как архетипа – наличие семантического элемента «жизнь» (ср.: мировое древо, древо жизни). По словам Т.А. Агапкиной, существует особо тесная связь у человека с плодоносящими деревьями, т.к. такое дерево больше принадлежит миру культуры, чем миру природы [13, 84]. Таким деревом-символом для Алма-Аты является *яблоня*, которая ассоциируется с родным, любимым городом. Наблюдения показали, что *тополь* и *яблоня* – символические корреляты города Алма-Аты. Такими атрибутами-символами города Алма-Аты в творчестве Ю.Домбровского нами выделяются *яблоко*, *горы*, *кафедральный собор* (трансформированное *дерево*), *тополь* (живое *дерево*) [14]. Например, в художественном пространстве писателя с особой любовью и нежностью, восторженно описывается *тополь* как главная реликвия города-дома, который стал ему родным:

«А над садами *тополя*. Потом я узнал – они и есть в городе самое главное. Без них ни рассказать об Алма-Ате, ни подумать о ней невозможно. Они присутствовали при рождении города. Еще ни улиц, ни домов не было, а они уже были.

Весь город, дом за домом, квартал за кварталом, обсажен *тополями*. Нет такого окна в городе, высунувшись из которого ты не увидел бы прямо перед собой белый блестящий или черный морщинистый ствол. От Алма-Аты до Ташкента проходит большая дорога – день и ночь по ней мчатся грузовики. Но называется она не улица, не шоссе, не дорога, а просто – аллея. "Ташкентская аллея", – говорят алмаатинцы. И в самом деле, огромный сотнекилометровый тракт – всего-навсего только одна большая *тополевая* аллея» (Домбровский Ю. Хранитель древностей, 1992).

Таким образом, наши наблюдения позволяют сделать следующие выводы: 1) изучение категории пространства в художественном тексте представляет собой богатый материал для исследований; 2) концепт «родина» как один из ярких и обязательных компонентов образа художественного пространства репрезентируется различными языковыми средствами и их особым подбором в произведениях писателей Казахстана; 3) представляет научный интерес и имеет перспективы для дальнейших исследований в современной науке.

Список литературы:

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. М., 2003, с.96.
2. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – с. 227-284.
3. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия. – М., 1994.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов/ Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М., 1996.
5. Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста. – Воронеж, 1987. – 157 с.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1975.
7. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М., 1995.
8. Маслова В.А. Концептосфера русской культуры// Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2016. – С. 74-275.
9. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. – М., 2000.
10. Туманова А.Б. Экспликация модусных смыслов в художественном дискурсе писателя-билингва. Монография. – Алматы, 2005.
11. Туманова А.Б. Категория пространства как особый компонент концептосферы О. Сулейменова. Сборник трудов Международной научной конференции «Творчество Олжаса Сулейменова и вопросы национального самосознания», посвящённой 80-летию О.О.Сулейменова. – 5-6 мая 2016 г. – Алматы: КазНУ, 2016. – С.181-188.
12. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 296 с.
13. Агапкина Т.А. Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями, в общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор. – М.: Наука, 1994. – С.84.
14. Баянбаева Ж.А. К вопросу о локальном тексте и его функциях (на примере алма-атинского локального текста). // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2016 г. № 2.